



Кого хоронят  
мыши?  
К интерпретации  
лубочной картинки  
«Мыши кота  
погребают»

**Александра Андреевна  
Плетнева**

Институт русского языка  
им. В. В. Виноградова РАН,  
Москва, Россия

Whom Are the Mice  
Burying?  
The Interpretation  
of the Lubok Print  
*The Mice Are Burying  
the Cat*

**Aleksandra A. Pletneva**

Vinogradov Institute of Russian  
Language (Russian Academy of  
Sciences),  
Moscow, Russia

Резюме

Статья посвящена интерпретации одной из самых популярных лубочных картинок «Мыши кота погребают», которая в разных редакциях и вариантах печаталась с начала XVIII до середины XIX в. Сюжет этой картинки является предметом дискуссии. Одни исследователи видят в ней пародию на похороны Петра I, а другие обращают внимание на то, что стилистические особенности части изображений и язык подписей указывают на более раннее происхождение.

Предпринятый нами анализ показал, что эпитеты «казанский», «астраханский» и «сибирский» по отношению к коту явным образом отсылают к царскому титулу. Это указывает на то, что картинка пародирует именно царские похороны. При этом подписи при изображении мышей отсылают к развлекательной смеховой культуре второй половины XVII века. Показательно, что мыши несут скоморошьи музыкальные инструменты, они танцуют, употребляют спиртные напитки и курят табак. Атрибуты скоморошей

---

Цитирование: Плетнева А. А. Кого хоронят мыши? К интерпретации лубочной картинки «Мыши кота погребают» // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 2. С. 97–123.

Citation: Pletneva A.A. (2021) Whom Are the Mice Burying? The Interpretation of the Lubok Print *The Mice Are Burying the Cat*. *Slověne*, Vol. 10, № 1, p. 97–123.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.5



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International

культуры и веселья, с которыми при поддержке патриарха Никона боролся царь, позволяют соотнести прототекст лубочной картинки с пародией на похороны Алексея Михайловича.

В более поздних картинках сюжетообразующим элементом становятся указания на то, с какими местностями связаны мыши. Введение новой топонимики, как и изменение ряда изображений, отсылает зрителя и читателя к похоронам Петра I, церемониал которых включал шествие с гербами провинций. Предложенная интерпретация позволяет примирить две концепции и доказать, что этот лубок представляет собой шутовские похороны царя, но на старших гравюрах похоронная процессия состоит из скоморохов, а на более поздних — из представителей разных частей империи. В первом случае царь — это Алексей Михайлович, а во втором — Петр I.

#### Ключевые слова

лубок, народная гравюра, смеховая культура XVII века, раннее Новое время, скоморохи, погребальный обряд, народная письменность

#### Abstract

The article is devoted to the interpretation of one of the most famous lubok prints (cheap popular prints) *The Mice Are Burying the Cat*, which was printed in different editions and versions from the beginning of the 18th century to the middle of the 19th century. The plot of this picture is under discussion. Some researchers view it as a parody of the funeral of Peter I, while others draw attention to the fact that the stylistic features of the early images and the language of captions indicate an earlier origin.

Our analysis showed that the epithets of *Kazan* (Rus. *казанский*), of *Astrakhan* (Rus. *астраханский*) and of *Siberia* (Rus. *сибирский*) used with regard to the cat clearly refer to the title of the tsar. This points to the fact that it is a tsar's funeral that the picture parodies. The captions depicting mice reflect the entertaining laughter culture of the second half of the 17th century. It is significant that the mice are carrying buffoonery musical instruments, they are dancing, drinking alcohol and smoking tobacco. The attributes of buffoonery culture and fun, which the tsar used to combat with the support of Patriarch Nikon, make it possible to bring the prototext of the popular print into correlation with a parody of Alexei Mikhailovich's funeral.

In later pictures, the plot-forming element is constituted by the indication of the areas the mice are associated with. Changes in a number of images, as well as the introduction of new toponymy, refer the viewer and reader to the funeral of Peter I, the ceremony of which involved a procession with the coats of arms of provinces. The proposed interpretation makes it possible to reconcile the two concepts and prove that this lubok represents a caricatural funeral of the tsar. However, in older engravings the funeral procession consists of buffoons, and in the later ones, it features representatives of different parts of the empire. In the first case, the tsar is Alexei Mikhailovich, and in the second case, Peter I.

#### Keywords

Lubok, folk engraving, laughter culture of the 17th century, early modern times, buffoons, funeral rites, folk writing

Лубочная картинка «Мыши кота погребают» является одной из самых известных и популярных. На ней изображен лежащий на дровнях умерший кот. Его идет хоронить процессия мышей, которые несут поминальную еду, выпивку и музыкальные инструменты. Мыши пляшут и поют и, очевидно, радуются смерти кота. Над его изображением помещена надпись «кот казанский, ум астраханский, разум сибирский»<sup>1</sup>. Картинка послужила источником для создания другого лубка, где изображен сидящий на задних лапах кот, подписанный аналогичным образом. Обе картинки (и погребение кота, и сидящий кот) являются лубочной классикой и помещаются во все антологии и каталоги русского лубка. Издатель и популяризатор лубочной продукции И. А. Голышев писал, что «Погребение кота» было востребовано народом и печаталось во множестве экземпляров в разных типографиях Москвы [Голышев 1878: 5–8].

«Погребение кота» известно в оттисках начиная с первой трети XVIII до середины XIX в. Лубок существует в разных вариантах, причем изменениям подвергались как изображение, так и текст. Исследователи не обошли вниманием эту картинку, в первую очередь потому, что ее смысл нуждался в интерпретации. Издатель и исследователь лубка Д. А. Ровинский полагал, что она является карикатурой на похороны Петра I [Ровинский, 4: 256–269]. Эта точка зрения стала общепринятой и повторялась в разных работах до тех пор, пока ее не подвергла критике М. А. Алексева. Достаточно подробно разобрав текст, исследовательница показала его сходство с другими сатирическими произведениями, созданными в допетровскую эпоху. Опираясь на стилистические и языковые критерии, М. А. Алексева предположила, что первоначальный, не дошедший до нас вариант этого сюжета относится к последней четверти XVII в. Вопрос о том, что представлял собой этот первый вариант — гравированное изображение, сатирическую повесть, интермедию или что-то еще, остается открытым [Алексева 1983].

Вообще говоря, датировка лубка представляет собой сложную задачу. Время создания народной картинки и время ее бытования нетождественны. Тот факт, что с досок можно было делать несколько тиражей, а в перерывах между использованием эти доски могли долгое время храниться, сильно затрудняет датировку народной гравюры [Хромов 1998: 73–75]. Когда невозможно сказать что-либо убедительное о времени создания изображения, исследователи имеют возможность обратиться непосредственно к тексту. Именно поэтому стилистические и языковые критерии оказываются столь важными для датировки исходного текста.

<sup>1</sup> В некоторых картинках эта подпись представлена в расширенном варианте. Подробнее об этом см. раздел 3.1.

Если мы считаем гипотезу о том, что первоначальная версия этого сюжета относится к концу XVII в., доказанной, нам следует найти в «Погребении кота» элементы, соотносимые с этим временем. В частности, встает вопрос о том, какое именно событие XVII в. пародируется в лубочной картинке. Ведь большинство сатирических произведений XVII в. связано с понятной и хорошо считываемой исторической ситуацией или же является пародией на формуляр документа [Лихачев et al. 1984: 11–21]. Так, «Калязинская челобитная» — пародия на жанр челобитных, «Азбука о голодном и небогатом человеке» — пародия на толковые азбуки, по которым учили детей, «Повесть о Ерше Ершовиче» — на процедуры судопроизводства и т. п. Для понимания сатирических текстов XVII в. кажется чрезвычайно важным найти то явление или тот текст, которые пародируются. На какую узнаваемую ситуацию или на какой формуляр является пародией лубочная картинка? Попробуем ответить на этот вопрос.

В данной работе мы будем опираться на текстологические выводы Алексеевой, но для простоты обозначим рассматриваемые картинки цифрами. К первой редакции относятся: K1 (т. е. картинка 1) — гравюра на дереве, в классификации Алексеевой имеет индекс Ш<sup>2</sup>, в издании Ровинского имеет номер 167; K2 — гравюра на дереве, в классификации Алексеевой O<sub>1</sub><sup>3</sup>, в издании Ровинского имеет номер 168; K3 — гравюра на дереве, в классификации Алексеевой С<sup>4</sup>. Вторая редакция: K4 — гравюра на дереве, в классификации Алексеевой O<sub>2</sub><sup>5</sup>, в издании Ровинского имеет номер 166; K5 — гравюра на меди<sup>6</sup>, в издании Ровинского имеет номер 170. Картинку K4 Алексева относит ко второй редакции, однако она, скорее, является промежуточным вариантом между первой и второй редакцией. По изображению она ближе ко второй редакции, но содержит текст во многом архаичный. Поэтому мы можем привлекать материал этой картинке как при анализе текста конца XVII в., так и при анализе текста 30–50 гг. XVIII в.

### 1. Поиск источника заимствования

При исследовании русского лубка продуктивным оказывается сравнение изображений и текстов с европейской гравюрой и иными иностранными источниками. Д. А. Ровинский и М. А. Алексеева искали

<sup>2</sup> Была куплена Я. Я. Штелиным в 1766 г. в Москве, хранится в Отделе эстампов РНБ.

<sup>3</sup> Хранится в Отделе эстампов РНБ в собрании Олсуфьева.

<sup>4</sup> Один экземпляр хранится в РГИА (лист находился среди бумаг Синода), фонд 835, второй экземпляр — в Отделе эстампов в РНБ.

<sup>5</sup> Хранится в Отделе эстампов РНБ в собрании Олсуфьева.

<sup>6</sup> Хранится в ГМИИ в собрании Ровинского.

параллели для «Погребения кота» среди изображений и текстов, принадлежащих к разным культурным традициям. При этом было обнаружено огромное количество параллелей в искусстве разных регионов — от Индии до Испании [Ровинский, 4: 158–159; Алексеева 1983: 64–69]. Само многообразие предполагаемых источников сюжета и их широкая географическая распространенность указывают на то, что поиск параллелей в данном случае не особо перспективен. Поскольку очевидный прообраз обнаружить не удалось, можно заключить, что мы имеем дело с чем-то вроде бродячего сюжета, когда невозможно установить, что является непосредственным источником для заимствования. Несомненно лишь то, что погребение кота мышами — частный случай общего сюжета о войне кошек и мышей, где мыши одерживают верх. Этот сюжет благополучно дожил до XX в. и представлен, например, в мультипликации («Том и Джерри»).

Единственным произведением, повлиявшим на «Погребение кота», следует считать басню Эзопа «Кошка и мыши», где кошка прикинулась мертвой, чтобы выманить мышей из нор, но мыши ей не поверили. На эту параллель обратила внимание М. А. Алексеева [1983: 65–66]. Учитывая распространенность басен Эзопа в России в XVII–XVIII вв.<sup>7</sup>, легко предположить связь лубочной картинке с басней «Кошка и мыши», тем более что на некоторых картинках (К3, К4, К5) лапы кота связаны: мыши допускают, что кот не мертвый, а только притворяется, поэтому принимают меры безопасности. При этом сам текст лубка так же, как изображение, безусловно, оригинален.

## 2. С событиями какой эпохи можно соотнести лубочную картинку «Мыши кота погребают»?

В литературе было предпринято довольно много попыток связать те или иные детали картинке «Мыши кота погребают» с реалиями конкретной эпохи. Попробуем суммировать эти наблюдения.

2.1. События времен царствования Ивана Грозного. Присоединение татарских ханств в правление Ивана Грозного исследователи соотносят с титулом кота: «кот казанский, ум астраханский, разум сибирский». Впервые предположение, что этот лубок является карикатурой на похороны Ивана Грозного, высказал М. Н. Макаров. В его статье упоминается карикатура с сюжетом погребения кота, выпущенная лютеранами

---

<sup>7</sup> Басни Эзопа существовали в рукописной традиции. Первый перевод был осуществлен в 1607 г. толмачом Посольского приказа Федором Гозвинским. Во второй половине XVII в. было сделано еще два перевода: в 1674 г. перевод с немецкого А. Винниуса, а в 1675 г. — перевод с польского Петра Каминского [Гудзий 1941: 385].

по поводу смерти Папы Пия V. По мнению Макарова, именно она была источником русской картинки, где кот — это уже не Папа, а русский царь [Макаров 1821: 53–54]. Однако ссылка Макарова на «Чешскую хронику» Гаека, где говорилось об этой карикатуре, не была подтверждена другими исследователями, которые не нашли ни самой ссылки, ни карикатуры [Ровинский, 4: 257]. Современный исследователь С. Ф. Фаизов также связывает сюжет погребения кота с эпохой Ивана Грозного, рассматривая его в несколько иной перспективе. Для него похороны кота не являются карикатурой на похороны Ивана Грозного или какого-то другого русского царя. Для него кот — это собирательный образ татарина, а сама картинка, соответственно, отсылает к непростым русско-татарским отношениям. В качестве источника сюжета он рассматривает марийскую легенду о казанском коте<sup>8</sup>:

У Кота были свои фольклорные и литературные предки и родственники. Ближе всех к герою лубка находится Кот казанского царя (хана) из марийской легенды «Как марийцы перешли на сторону Москвы», рассказывающей об осаде Казанского кремля в 1552 г. войсками Ивана Грозного. Придворному коту из этой легенды удалось подслушать, как осаждающие крепость марийские цари Ыыланда и Акпарс ведут подкоп под кремлевской стеной, и он предупредил хана об опасности. Хан, его жена, дочь и кот по тайному ходу вышли к реке Казанке, сели в лодку и благополучно отплыли от Казани [Фаизов 2006: 153].

2.2. События времен царствования Алексея Михайловича. Исследователи картинки упоминают о гравюре Вацлава Холлара «*Le vray portrait du Chat grand Duc de Moskowie*» (1661), где был изображен любимый кот Алексея Михайловича. И. М. Снегирев полагал, что именно это изображение послужило толчком к созданию русской лубочной картинке [Снегирев 1861: 130]. Учитывая, что во время царствования Алексея Михайловича были созданы многие сатирические произведения, являющиеся репликой на конкретные тексты, артефакты и изображения, эта гипотеза кажется довольно убедительной.

2.3. События времен царствования Петра I. Одна из картинок (К5) содержит слова, отсылающие к северной столице России и сопредельным с ней территориям, что соотносится с царствованием Петра I. В ее тексте упоминаются «охтенская переведенка» (т. е. переселенка с Охты), «мыши олонки», «мыши корелки». Конечно, катойконим «олонка» и этноним «корелка» существовали и до Петра I. Однако эти территории

<sup>8</sup> На наш взгляд, это предположение неубедительно, поскольку картинка «Мыши кота погребают» бытовала среди русского населения, которое едва ли знало марийскую легенду о Казанском коте.

стали актуальными для российского общества во времена строительства Петербурга и Северной войны. Именно тогда подобные названия стали узнаваемыми для широкого круга лиц. То же самое касается и слова «чухонка». Названия северных угро-финских народов начинают звучать все чаще именно в связи с освоением северных территорий и переноса столицы в Петербург. В тексте картинки дважды упоминаются чухонки: «мышь Ѡчюхонки маланьи везеть полны сани оладьевъ», «две мыши срожновой горы Ѡчюхонки вдовы тащатъ изшинка ушатъ мерзлова пива». И даже кота везут хоронить на «чухонских дровнях». Обращает на себя внимание и «мышь шушера», которая «бежить изшлюшенанесетъ сладоги сиги ешь даплотно сиди». Шлюшен, или Шлюшин, — это народное название крепости Шлиссельбург [Фасмер, Трубачев, 4: 454], запирающей вход в Неву со стороны Ладожского озера. Северная топонимика является для Д. А. Ровинского одним из аргументов в пользу того, чтобы связать эту картинку с похоронами Петра I. Это звучит весьма убедительно, за исключением того, что северные топонимы и этнонимы присутствует только в гравюрах на меди, в то время как в гравюрах на дереве, которые появились раньше, они отсутствуют.

2.4. События времен царствования Елизаветы. Популярность лубочной картинки могла быть обусловлена тем, что казанские коты были известны в империи. Объясняется это то ли ходившими о них легендами, не имеющими отношения к реальности, то ли тем, что в Казани в XVI–XVIII вв. действительно была особая порода котов, которые считались хорошими охотниками на мышей. Что бы ни было причиной их известности, в 1745 г. по указу Елизаветы Петровны тридцать казанских котов были доставлены в Петербург, чтобы ловить мышей в недостроенном Зимнем дворце.

Сего ноября 2-го дня [1745 г.], в указе ея императорскаго величества из высочайшаго ея императорскаго величества кабинета в казанскую губернскую канцелярию, писано: октября 13-го дня ея императорское величество указала: сыскав в Казани здешних пород кладеных самых лучших и больших тридцать котов, удобных к ловлению мышей, прислать в С.-Петербург ко двору ея императорскаго величества с таким человеком, который бы мог за ними ходить и кормить, и отправить их, дав под них подводы и на них прогоны и на корм сколько надлежит немедленно. Того ради, по указу ея императорскаго величества и по определению генерала-лейтенанта кавалера и Казанской губернии губернатора Артемья Григорьевича Загряжскаго с товарищем, велено об оном в Казани в народ публиковать, и опубликовано, и выставлены листы [Пупарев 1871: 642].

Каждый из этих сюжетов мог бы стать основанием для того, чтобы отнести время появления картинки «Мыши кота погребают» к соответствующей эпохе. Но в силу того, что этих сюжетов оказывается более чем один, а надежных критериев для выбора у нас нет, эти наблюдения не помогают нам установить время создания текста и его основную интенцию.

### 3. Возникновение сюжета и его анализ

Лубок — искусство народное и коммерческое, поэтому сюжеты, обыгрываемые в лубке, должны легко считываться и вызывать у зрителя и читателя одинаковые ассоциации. Мы ожидаем, что так же, как и другие сатирические произведения, лубок «Мыши кота погребают» является непосредственной реакцией на тексты, изображения или события, которые были хорошо известны современникам. Для того чтобы выяснить, когда появился этот лубок (или же его сюжет), нужно понять, с какой эпохой соотносятся события, пародией на которые он является. Попробуем обратиться непосредственно к тексту лубочной картинки, используемым в ней формулам, титулу кота, топонимам, названиям занятий мышей и предметов, которые они держат в руках.

3.1. Кто такой кот? Полный титул кота обозначен в КЗ<sup>9</sup>: «Коть казанской умь асытраханьской а разумь сибирьской а усь с уса с терьскава славън жилъ слатько ель слапко ибздель»<sup>10</sup>. В остальных гравюрах приведены более короткие варианты, заканчивающиеся словами «разумь сибирской». Очевидно, что титул кота пародирует царский титул, вернее, его элемент. Остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

Наименование русского царя «царем Казанским» и «царем Астраханским» появилось при Иване Грозном после взятия Казани и Астрахани. Иван IV стал именоваться:

<sup>9</sup> Здесь и далее цитаты из лубочных текстов приводятся в орфографии оригинала, но с разделением на слова.

<sup>10</sup> Этот же титул в несколько измененном виде присутствует в подписи к лубочному листу, на котором изображен кот, сидящий на задних лапах. Б. М. Соколов рассматривает этот текст как темный и не подлежащий осмысленному прочтению. Он пишет: «Знаменитый “Кот Казанский” [...] снабжен надписью-колонкой шириной в семь букв, режущей текст на кусочки (третья строчка, например, читается как МЪАСТРА); “у”, “з” и “и” вырезаны зеркально, а такие комбинации букв, как “сусастерской” и “слапко”, несмотря на все усилия исследователей, не поддаются удовлетворительному прочтению» [Соколов 1999: 106]. В работах по русскому лубку часто преувеличивается степень непонятности лубочных текстов. На самом деле практически все такие тексты поддаются прочтению и внятной интерпретации. Так, объяснение слова «сусастерской» дает Алексеева, возводя его к гравюре КЗ, где отчетливо читается «а усь с уса с терьскава» [Алексеева 1983: 56]. Что касается слова «слапко», то, по нашему мнению, это фонетическое написание наречия «слабо» (слабо), которое фиксируется в словарях [СлРЯ XI–XVII, 25: 51].

Бога в Троицы славимый милостию Великий Государь Царь и Великий Князь Иван Васильевич всеа Руси, Владимирский, Московский, Ноугородский, Царь Козанский и Царь Астраханский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вяцкий, Богарский и иных<sup>11</sup> [АИ, 1: 396; Лакиер 1847: 29–20].

После того как сибирский хан Кучум признал себя подданным русско-го царя, а также при присоединении ряда северо-западных территорий, титул царя расширился. Однако и в расширенной версии Иван Грозный именовался не «царем Сибирским», а повелителем «всея Сибирския земли и северныя страны» [Лакиер 1847: 40; Пчелов 2010: 6; Каштанов 2006: 7–16] Например, английская королева Елизавета так обращалась в переписке к русскому царю:

The most mightie et puissant Prince ourdeare brother great Lord Emperour et great Duke Ivan Basily of all Russia, Volodemeria, Muscovia, Novogorodia, Emperour of Casantia, Emperour of Astracantia, Lord of Plescovia, great Duke of Smolena, Tueria, Vgoria, Permia, Vatia, Bolgaria and manie other landes, Lord et great Duke of Nowogrodia in the lowe Countries, Cernigovia, Renzantia, Poloscia, Roscovia, Iaroslavia, of the white lake, Ondorsna, Obdorsia, Condintia, and the countries of the north partes and of all Siberia lande Commander, et Lord of the inheritannce of Livonia et of mainie other countries of the South , north, east, et west belonging to his highnes his heires et successors [Тургенев 1842: 370].

В царском титуле выражение «царь Сибирский» появляется после победы Бориса Годунова над ханом Кучумом в 1598 г. Таким образом, с XVII в. в составе царского титула слова «царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский» стоят рядом вплоть до 1815 г., когда после присоединения Польши «царь Польский» помещается между «царем Астраханским» и «царем Сибирским» [Успенский 2000: 49–52]. Соответственно, теоретически кот может ассоциироваться с любым из русских правителей XVII — начала XIX вв., но не с царями XVI в.

На всех рассмотренных картинках мыши везут хоронить кота на дровнях, а не на телеге<sup>12</sup>. Утверждая, что лубок — сатира на похороны Петра I, Ровинский пишет о картинке зимних похорон (Петр умер 28 января 1725 г.) [Ровинский, 4: 263]. Если мы полагаем, что кот однозначно отсылает нас к фигуре русского царя, то логичным будет посмотреть, кто еще из них, начиная с Бориса Годунова, умер зимой. Оказывается, что только Алексей Михайлович. Дата его смерти — 29 января 1676 г. Однако время года здесь не столь уж принципиально. В конце XVII в.

<sup>11</sup> В источнике титул употреблен в родительном падеже.

<sup>12</sup> Существуют более поздние картинки, которые мы здесь не рассматриваем, где кота везут на телеге. Об этом см. [Ровинский, 4: 269].

сани были обязательным предметом погребального обряда членов царской семьи и использовались как зимой, так и летом<sup>13</sup>. Открытый гроб (или одр) с телом царя или царицы выносили из покоев и ставили в обитые атласом или бархатом сани. Причем сани с гробом не везли в церковь, а несли на руках. Их сопровождала процессия духовенства с хоругвями, иконами и свечами. В санях могли также нести в церковь или из церкви царицу-вдову. Так, например, несли в церковь при похоронах Федора Алексеевича его вдову Марфу Матвеевну [Анучин 1890: 106].

Вот как описывается погребение Алексея Михайловича:

А из деревянных хором тело блаженныя памяти Великого Государя несли в Передние сени на рундук, а с рундука в Проходные сени, что перед Золотой палатой Государыни Царицы, и на Постельное крыльцо, а на Постельном крыльце гроб с его Государевым телом поставлен в сани и на санях несен Постельным и Красным крыльцом, а с Красного крыльца средней лестницей в соборную церковь Архангела Михаила [Строев 1844: 617].

Также известно, что «Государыню Царицу и Великую Княгиню Наталию Кирилловну несли из церкви в верх в санях, рундуком, на среднюю лестницу» [Труворов 1887: 840].

Однако в картинках ранней редакции ката хоронят не в царских санях, обитых черным и золотым бархатом или алым атласом, а на дровнях, простых деревенских санях. Его не несут на руках, как царя, а волочат по земле («макарки тянут лямки»).

3.2. Кто такие мыши? Доказывая, что лубочная картинка является пародией на похороны Петра, Ровинский пишет о мышах-музыкантах и указывает, что инструментальная музыка на похоронах была разрешена только при Петре [Ровинский, 4: 263]. Однако это сомнительный аргумент. На картинках изображены не новые музыкальные инструменты<sup>14</sup>, а те, которые ассоциируются с предыдущей эпохой и исчезают в XVIII в. Кроме того, это простонародные инструменты, которые не принадлежат к дворянской культуре.

На картинках К1, К2 и К3 мыши играют на волынке, свирели (как вариант, сурне) и бубне. На картинке К4 мы видим свирель и со-

<sup>13</sup> Что касается весеннего и летнего погребения, то сани упоминаются, например, при похоронах царицы Агафии Симеоновны (15 июля 1681 г.), царя Федора Алексеевича (28 апреля 1682 г.), царевича Александра Петровича (14 мая 1692 г.), царицы Татьяны Михайловны (24 августа 1706 г.) [Анучин 1890: 105–110].

<sup>14</sup> На похоронах играли военные оркестры, основными инструментами которых были трубы, гобои, литавры, флейты и барабаны [ИРМ, 2: 44]. Впервые музыканты играли на похоронах генерала Лефорта. Церемониал погребения, в котором участвовали три гвардейских полка с 9 флейтистами в каждом, был составлен лично Петром I [Финдейзен 1928: 348].

пель<sup>15</sup>, волынку, балалайку и скрипицу. Вот как выглядят подписи, которые сопровождают изображения мышей с музыкальными инструментами: «чюрилко сурначъ всурну игъраеть<sup>16</sup> аладу незнаеть» (К3), «вавилко веселої вволынку игъраеть, песьни напеваеть, кота поминает» (К3), «мышъ вбубунъ бьеть» (К2), «мышъ Аринка играет вволынку» (К4), «вболалайку играет гостей созываетъ» (К4), «мышка изнемецкой лавки всела свире(л) в лапки» (К4), «емелка приспешникъ саткну(в)сапоесь трепицу а са(м) навариваетъ вскрипицу» (К4).

Все эти инструменты, кроме балалайки, которая появилась в начале XVIII в. [МЭ, 1: 289–290], — классические инструменты скоморохов. Последний из них — скрипица — традиционно назывался гудком, отсюда название музыканта-скомороха — гудец [СлРЯ XI–XVII вв., 4: 154]. Мышь-музыкант держит гудок, как и положено, у живота, а не на плече, как скрипку. Именно эти музыкальные инструменты подвергались уничтожению в связи с гонениями на скоморохов при Алексее Михайловиче. Приведем фрагмент соответствующей царской грамоты, которую рассылали в разные города:

[Чтоб православные христиане] от безмернаго пьянаго питья уклонялися и были в твердости, и скоморохов з момрами (sic!), и с гуслиями, и с волынками, и со всякими игры, и ворожей, мужиков и баб к болным и ко младенцом в дом к себе не призывали [...]. А где объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякие гуденные бесовские сосуды, и ты б те бесовские велел вынимать и, изломав, те бесовские игры, велел жечь. А которые люди от того ото всего богомерского дела не отстанут и учнут впредь такова богомерскаго дела держатся, и по нашему указу тем людем велено делать наказанье: где такое безчиние объявится или кто на кого такое безчиние скажут, и вы б тех велели бить батоги (Царская грамота 1648 года Т. Ф. Бутурлину в Белгород об исправлении нравов и уничтожении суеверия) [Иванов 1850: 298].

Такие грамоты рассылались в разные места и адресовались разным государственным людям. При этом основной текст оставался неизменным, менялся лишь адресат. Об оповещении жителей о царском указе составляли ответы с мест, в них также упоминаются музыкальные инструменты скоморохов.

А которые люди в городе, и на посаде, и в уезде держали бесовских игр, и у тех людей игры: домры, и гудки, и волынки, и сурны, и всякие гудебные сосуды взяты и, изломав, сожжены (отписка Дмитровского воеводы) [Харузин 1897: 149].

<sup>15</sup> Надо отметить, что сурна, сопель и свирель на картинках ничем не отличаются. Эти названия вариативны для духовых инструментов типа дудки.

<sup>16</sup> Вариант К4: «в сопел играет».

А которые, Государь, люди Бога боятся и, видячи такое великое безчиние, и беззаконие, и пьянство — и от них плач и рыдание велие. А от того безчиния, и пьянства, и бою отстать безчинником им не уметь без твоего государева указу и без наказания, потому что торговым людям — торг, а безчинником и беззаконником — пьянство, и бой, и бесовская игра. Веселые с медведи, и с бубны, и с сурнами, и со всякими бесовскими играми, с иных городов торговые люди и веселые приезжают на тот великий день, а от безчиния великаго и пьянства многие крестьянския души от пьянства и от убойства умирают. (извещение Варлаама, архимандрита Дмитриевского монастыря в г. Кашине) [Харузин 1897: 150].

Мы видим, что мыши держат в руках те музыкальные инструменты, с которыми в царствование Алексея Михайловича боролись как с атрибутами скоморохов. При этом у нас нет данных, что скоморохи во второй половине XVII в. играли на похоронах. Однако известно, что они играли в дни поминовения усопших. Об этом свидетельствует запрещение этих действий Стоглавым собором. Вполне вероятно, что подобная практика могла в том или ином виде сохраняться и в XVII в.

Вопрос 23. В Троецкую субботу по селом и по погостом сходятца мужи и жены на жалниках и плачутца по гробом с великим кричанием. И егда начнут играти скоморохи, гудцы и пригудницы, они же, от плача преставше, начнут скакати и плясати, и в долони бити и песни сотонинские пети — на тех же жалниках оманщики и мошенники.

И о том ответ. Всем священником по всем градом и по селом, чтобы дети своих духовных наказывали и поучали: в кои время на родителей своих поминают, и они бы нищих поили и кормили по своей силе, а скоморохом и гудцом, и всяким глумцом запрещали и возбраняли, чтобы в те времена, коли родителей поминают, православных христиан не смущали и прелщали теми бесовскими своими играми [Емченко 2015: 124].

3.3. Что делают мыши-скоморохи? Употребляя слово «скоморох», мы отдаем себе отчет в том, что содержание этого слова чрезвычайно расплывчато. Ранее мы уже писали, что «скоморох» — это не самоназвание бродячих артистов, а наименование, которое в основном использовалось в текстах, обличающих народную смеховую культуру [Плетнева 2012]. Но более корректного термина у нас нет. При анализе народной смеховой культуры эпохи Алексея Михайловича естественно использовать то наименование, которое встречается в царских указах того времени и употребляется по сей день в соответствующей научной литературе. При этом лубочная картинка «Мыши кота погребают» отсылает нас именно к этой культуре. Так, в цитированной выше подписи, где фигурирует «Вавилко веселой», который «в волюнку играет, песни напевает, кота поминает» речь, несомненно, идет о скоморохе. На это

указывает не только волынка, относящаяся к числу скоморошских инструментов, но также имя и прозвище. Дело в том, что в православных святцах присутствует Вавила Тарсийский или Вавила Скомрах — комедиа́нт из Тарса, который впоследствии принял монашество. О том, что это имя ассоциировалось со скоморошеством не только в византийской культуре (Вавиле Тарсийскому посвящена 32-я глава «Луга духовного» Иоанна Мосха), но и в русской, свидетельствует былина «Путешествие Вавилы со скоморохами» [Григорьев 2002: 377–383].

Прозвище Вавилы — «веселый» относится к числу самоназваний скоморохов [Плетнева 2012: 100–101]. Любопытно, что если в греческом календаре память Вавилы приходится на 28 и 29 декабря, то Русская Церковь празднует его память в Сырную субботу, то есть во время масленичных гуляний [ПЭ, 6: 470].

3.3.1. Танцы. На смеховую народную культуру указывает поведение персонажей, которые нарочито нарушают нормативные предписания. Так, мыши пляшут на похоронах<sup>17</sup>. На картинке К4 изображены две танцующие мыши в колпаках («мыши ермаки надели колпаки»). Рядом с ними пляшет мышь в сарафане («мышь срезани всинемъ сарафане горька плачетъ, а сама в присатку плашетъ»). О том, что танцы ассоциировались со скоморошьей культурой и осуждались церковью, свидетельствует помещение греха «плясания» на иконах Страшного суда<sup>18</sup>.

Обоснование жесткого осуждения танцев мы находим в церковных и государственных документах XVII в., которые связывают народные развлечения (пляски, игру на музыкальных инструментах и т. д.) с языческими практиками первых веков христианства. Характерные примеры подобной риторики мы обнаруживаем, например, в грамоте патриарха Иосифа, относящейся к 1636 г.:

Такожде и в праздники, [...] вместо духовнаго торжества и веселия восприимше игры и кошуны бесовские, повелевающе медведчиком и скомрахом на улицах и на торжищах и на распутьях сатанинския игры творити, и в бубны бити, и в сурны ревети, и руками плескати, и плясати [...] и о тех празницех сходящяся многие люди, не токмо что молодые, но и старые, в толпы ставятся, и бывают бои кулачные великие до смертнаго убойства, и в тех играх многие и без покаяния пропадают и всякаго беззаконнаго дела умножилось, еллинских блядословий и кошун и игр бесовских [ААЭ, 3: 402].

Правила вселенских соборов, которые на Руси были известны в составе Кормчих книг, Стоглава и других канонических сборников, содержат много положений, осуждающих языческие практики поздней

<sup>17</sup> О танцах в лубках см. [Ровинский, 4: 217–223].

<sup>18</sup> Об этом подробнее см. [Фрэнсис 2007].

античности. В процитированном фрагменте патриарх Иосиф соотносит языческие практики Византии (еллинские блядословия) с народными развлечениями современной ему Руси (далеко не всегда имеющими отношение к язычеству) и обличает их в тех же выражениях, что и отцы вселенских соборов<sup>19</sup>.

3.3.2. Нечистоты. Изображения нечистот и надписи, связанные с испражнениями, также являются нарушением социальных норм. Мыши несут сосуд нечистот из отхожего места (например, «мыши несутъ ушатъ добраго питья выморознаго заблаго году изпод заходу»<sup>20</sup> — К1). С этой темой связаны подписи из разных картинок («мыши блу(д)ницы хотатъ печаль утолить в говенной яме ката утопить» (К4), «куче(р) и(з)наво(з) но кучи» (К4), «бочку везут спивомъ дрисливымъ» (К3), «мышь головна весьма неспорвна оступилась в яму говенну замаралась по горло» (К5).

3.3.3. Антиклерикализм. Характерная черта текстов, которые мы можем ассоциировать с культурой скоморохов, — антиклерикализм. Смеховая культура вышучивает церковные институты, а те, в свою очередь, борются с народными празднествами как с проявлениями язычества. В обострении войны церкви с народной смеховой культурой не последнюю роль сыграла религиозность Алексея Михайловича и желание войти в историю истинным православным царем, решавшим не только государственные, но и церковные проблемы и следившим за благочестием своих поданных. В рассматриваемой нами лубочной картинке встречаются две откровенно антиклерикальные реплики («татарской попь безграмотнаи колотило», «мышька понамаришка тланеть табачишка» — К3). Любопытно, что поп безграмотный Колотило — один из персонажей «Калязинской челобитной» [Алексеева 1983: 70]. Это наблюдение Алексеевой показывает связь лубочных картинок с другими сатирическими произведениями XVII в.

Сюда же можно отнести появление такого персонажа мышинной процессии, как Тренка, про которого говорится, что он «здону изубогова дому». Убогими домами (или же скудельницами, божедомками) назывались особые места, находящиеся около церквей или монастырей, куда складывали трупы людей, которых по той или иной причине не могли похоронить в общем порядке (у покойного не было родственников, которые могли оплатить похороны, человека умер без покаяния и т. п.). Раз в год, в четверг перед Троицей, туда отправлялся крестный

<sup>19</sup> О подобном соотношении античных и местных практик в русских церковных документах см.: [Плетнева 2012: 97–99].

<sup>20</sup> Заход — 'отхожее место' [СлРЯ XI–XVII вв., 5: 333].

ход. Народ приносил гробы и саваны и погребал «заложных покойников» (т. е. тех, которые лежали в общей яме, не присыпанные землей), после чего совершалась панихида. Известно, что Алексей Михайлович занимался устройством убогих домов, а также принимал личное участие в панихидах и погребении мертвецов из убогих домов [Снегирев 1826: 238–239]. Известно также, что вместе с царем в похоронном обряде принимал участие патриарх Никон. Об этом упоминает Павел Алеппский, в 1654–1656 гг. посещавший Москву вместе со своим отцом патриархом Антиохийским Макарием III.

В четверг по Пятидесятнице<sup>21</sup> наш учитель служил обедню в монастырской церкви [и рукоположил священника и дьякона]. У жителей этого города есть обычай в этот день, четверг по Пятидесятнице, отправляться за город с царем, царицей и патриархом для раздачи милостыни и совершения служб и поминок по всем умершим, утонувшим в воде, убитым, а также по [умершим] пришельцам, с полной радостью и весельем; все торговцы города и рынков переносят свою торговлю за город. [Павел Алеппский 1898: 23].

Мертвец из убогого дома Тренка, идущий в первых рядах мышиною похоронной процессии, на наш взгляд, является сатирической репликой, отсылающей к публичной религиозности Алексея Михайловича.

3.3.4. Табакокурение. Еще раз обратимся к предыдущему примеру, где «мышка пономаришка тянет табачишка», теперь сделаем это в связи с темой курения табака. В царствование Алексея Михайловича борьба с табакокурением проводилась достаточно последовательно. За употребление табака 25-я глава Соборного уложения 1649 г. предусматривала суровые наказания:

14. [...] А за табачную находку бити кнутом на козле. А про неведомой табак спрашивать у пытки [...]

16. А которые стрелцы и гулящие и всякие люди с табаком будут в приводе двожды, или трожды, и тех людей пытать и не одинова и бити кнутом на козле или по торгом, а за многие приводы у таких людей пороти ноздри и носы резати, а после пыток и наказанья ссылать в далние города, где государь укажет, чтоб на то смотря иным так неповадно было делать [Соборное уложение 1987: 135].

Обращает на себя внимание жестокость этих статей. Если сравнить законы, связанные с оборотом спиртных напитков (о них речь пойдет ниже), с законами, посвященными употреблению табака, то разница

---

<sup>21</sup> Здесь и ниже Павел Алеппский ошибочно пишет про четверг после пятидесятницы, хотя с заложными покойниками был связан четверг перед пятидесятницей (семик).

бросается в глаза.оборот алкоголя лишь ограничивался, в то время как употребление табака однозначно запрещалось. В конструируемом Алексеем Михайловичем идеальном православном царстве не было места для греха табакокурения<sup>22</sup>. Судя по всему, во второй половине царствования Алексея Михайловича эти запреты не особенно работали. Англичанин Чарльз Карляйль, который был в Московии в составе посольства с августа 1663 г. до июня 1664 г., утверждал, что в России табак употребляют совершенно свободно:

Прежде они курили табак также чрезмерно, как в настоящее время пьют водку, пока его употребление не было строго запрещено в 1634 г. вследствие многих злоупотреблений. Бедные люди вместо того, чтобы купить хлеба, издерживали свои деньги на табак; были и такие, которые будучи им одурены, оставляли его с огнем в домах. Но что по преимуществу побудило патриарха запретить его употребление — это, что они, накурившись, с дурным запахом, предстали перед изображением своих святых. В настоящее время табак употребляют свободно, так как за этим мало следят и вовсе не штрафуют за его продажу [Карляйль 1879: 20].

3.3.5. Пьянство. Часть мышей, идущих в составе погребальной процессии, не играют на музыкальных инструментах, но несут в руках вино и пиво: «две мыши пищать, ушатъ мерзлого пива тащатъ» (К4), «мышь едитъ наколесахъ, азаступъ втаракахъ да скланица вина врукахъ» (К1) «мышь едетъ в одноколке на отце кажесть веселіе быть в ковше» (К4).

Для эпохи Алексея Михайловича тема пьянства была очень актуальной. В нем видели общественной проблему, но запретить его, как это происходило с курением, было нельзя, поскольку доходы от продажи алкоголя составляли заметную часть доходов казны. Соборное уложение (1649 г.) существенно ограничивает частное винокурение, но не содержит ограничений, направленных на борьбу с пьянством как с безнравственным поведением [Соборное уложение 1987: 133]. Решающее влияние на антиалкогольную политику Алексея Михайловича оказал патриарх Никон. В 1651 г., будучи еще новгородским митрополитом, Никон ходатайствовал перед царем о закрытии в Новгородской епархии всех кабаков на Великий пост и Светлую неделю, что и было сделано. Затем кабаки были закрыты, и на смену им пришли кружечные дворы, которые торговали только на вынос. При этом Никон просил царя отменить ответственность за недоборы с продажи спиртного [Веселовский 2008: 350]. После того как Никон стал патриархом, отработанная

<sup>22</sup> С памятью о борьбе с табаком в начале царствования Алексея Михайловича можно связать свойственное старообрядцам последовательное неприятие табакокурения. Старообрядцы, как известно, возводили в абсолют нравственные нормы середины XVII в.

в Новгороде антиалкогольная программа распространилась на всю страну. Это было закреплено решениями земского собора 1652 г., который вошел в историю как «Собор о кабаках» [Веселовский 2008: 340]. Этот собор запретил торговлю спиртным во время постов, а также по воскресеньям, средам и пятницам. Торговля начиналась после обедни и заканчивалась за час до начала вечернего богослужения, в результате кружечные двory были закрыты чуть ли не большую часть времени. При этом на кружечные двory не допускались не только «бражники» и «питухи», но также и «священнический и иноческий чин». Кроме того, количество спиртного, продаваемого одному человеку, ограничивалось одной чаркой на человека. Решение «Собора о кабаках» вызывало всеобщее недовольство и постоянно нарушалось. Особенно недовольны этим решением были те, кто содержал кружечные двory и отвечал за доходы от продажи спиртного. Таким образом, современники Алексея Михайловича имели все основания для того, чтобы видеть в царе противника спиртных напитков. Целовальники («ермаки»<sup>23</sup>), которые отвечали за сбор налогов на спиртные напитки, появляются и среди погребавших кота мышей: «мыши ермаки надели колпаки».

Вполне вероятно, что целовальники — это не только Ермаки, но и мыши Макары (К:1 «мыши ерезани а прозваниемъ они макары лямками кота тануть нотсадъно работаютъ»)<sup>24</sup>. В словаре В. И. Даля находим: «Макар — прозвище рязанцев, особенно кадомцев, будто по словам Петра I, встретившего там трех Макаров сряду, и сказавшего шутя: будьте ж вы все Макары! Это лучшие рыболовы и целовальники, почему откупщиков и вообще плутов зовут Макарами» [Даль 2: 290]. В Словаре русских народных говоров в статье Макар находим несколько апеллятивов, среди которых «целовальник, кабатчик, торговец в питейном заведении Ряз., Моск., Нижегород.» [СРНГ, 17: 307–308]. Современники ставили антиалкогольные указы Алексея Михайловича в один ряд с запрещением инструментальной музыки, медвежьей потехи и другого балаганного веселья. Судя по всему, законодатели видели в пьянстве

<sup>23</sup> Ровинский отмечает, что Ермаками называли целовальников [Ровинский, 5: 420].

<sup>24</sup> М. А. Алексеева предполагала, что мыши Макары — это бурлаки. При этом она ссылается на исследование И. Корнилова, зафиксировавшего такое название для рязанских бурлаков [Алексеева 1983: 73–74, Корнилов 1862: 6]. Однако сравнение мышей, тянущих сани, с бурлаками вызывает определенные возражения. Во-первых, свидетельство о наименовании бурлаков Макарами относится к XIX в., в то время как самые ранние картинки «Погребения кота» — это конец XVII — начало XVIII вв. Во-вторых, на картинке изображено зимнее погребение, погребение на санях. Вряд ли мы можем называть тех, кто везет сани, бурлаками. И в-третьих, что представляется нам наиболее существенным, бурлаки не вписываются в общий контекст картинки. В последний путь котачаря провожает веселящаяся толпа: здесь и музыканты-скоморохи, и мыши с вином и табаком. В этой похоронной процессии, кажется, нет места бурлакам.

и народных развлечениях явления одного порядка. Показательным в этом отношении является текст «Уставной грамоты царя Алексея Михайловича о продаже питей на кружечном дворе на Мологе» (1653 г.), в котором скоморохам запрещается играть на кружечном дворе:

А только на кружечном дворе скоморохи с бубны, и с сурнами, и с медведи, и с малыми собачками учнут ходить и всякими бесовскими играми играть, и ты б тех скоморохов велел имать и приводить перед себя: и тех людей, которых приведут впервые, велел бить батоги, а будет которые скоморохи с тою бесовскою игрою объявятся в приводе вдругоряд, и тех скоморохов велел бить кнутом, да на них же велел править заповеди по пяти рублей на человеке; а бубны, и сурны, и домры, и гудки велел ломать без остатку, а хари велел жечь [ААЭ, 4: 97].

Возможно предположить, что с темой вина связано и упоминание Терека в наименовании кота на картинке КЗ. О коте говорится, что у него «усь с уса с терьскава». М. А. Алексеева предполагает, что здесь усы кота сравниваются с усами казаков с Терского берега [Алексеева 1983: 56]. Среди документов эпохи Алексея Михайловича есть грамота от 20 декабря 1652 г. астраханским воеводам об изготовлении вина из растущего на Тереке винограда и о разведении этого винограда. Среди прочего в этой грамоте говорилось:

И как к вам ся наша грамота придет, и вы бы в Астрахани велели выбрать из русских людей одного или дву(х) человек, которые русские люди были питейного дела у мастеров у немец для ученья и работы и которым бы питейное дело было за обычей, и выбрав, послали бы есте тех людей на Терек и велели им из Терского винограду сделать виноградного питья на опыт, сколько доведется...и прислали к тебе в Астрахань. [...] и вы б то виноградное питьё прислали к нам, к Москве, с кем пригоже [АИ, 5: 177].

То есть вместе с налагаемыми запретами на продажу водки и пива была попытка освоить виноградарство и изготовление виноградных вин в южных губерниях. Делалось это, вероятно, прежде всего для нужд церкви. Таким образом, упоминание Терека вполне могло быть связано с указами и грамотами Алексея Михайловича, изданными в связи с изготовлением алкогольных напитков.

3.4. Датировка старшей редакции сюжета и ее предполагаемые авторы. Таким образом, все основные темы, связанные с мышами (игра на музыкальных инструментах, танцы, алкоголь, табакокурение, нечистоты, антиклерикализм), отсылают нас к культуре скоморохов. Перед нами шутовские похороны: кота-царя хоронят мыши, демонстрируя при этом атрибуты той самой смеховой культуры, которую преследовал Алексей

Михайлович. Такое прочтение позволяет отнести время появления этого сюжета к концу XVII в. При этом мы не утверждаем, что по горячим следам была создана именно лубочная картинка. М. А. Алексеева предполагала, что основой этой гравюры могло быть какое-то не дошедшее до нас, но известное авторам гравюры устное или письменное литературное произведение: притча, небольшая повесть или интермедия, посвященная похоронам кота [Алексеева 1983: 74].

Встает вопрос о том, кто мог быть автором того гипотетического текста, который, как мы предполагаем, лег в основу «Погребения кота». Вне всякого сомнения, этот прототекст принадлежит к тому жанру, который мы сегодня называем не самым удачным термином «демократическая сатира»<sup>25</sup>. Известно, что часть этих текстов вышла за пределы рукописного бытования и продолжала тиражироваться в лубках. Другая часть осталась в рукописях, а третья — по всей видимости, не дошла в списках, но сохранилась в народной гравюре.

У нас нет особой надежды на то, что когда-нибудь будут обнаружены документальные свидетельства, проясняющие вопрос об авторстве этих текстов. Однако многочисленные аллюзии к документам и актуальным политическим событиям позволяют сузить круг потенциальных авторов. Что же мы знаем о них? Во-первых, авторы сатирических текстов XVII в. прекрасно знали формуляр юридических документов и охотно пародировали его. Всевозможные «реестры», «описи» и «челобитные» выступали в качестве жанрового определения конкретного текста («Роспись о приданном», «Калязинская челобитная», «Реестр о дамах и прекрасных девицах»). Именно знание протокола делопроизводства имела в виду Адрианова-Перетц, когда писала, что авторами произведений «демократической сатиры» XVII в. являются «площадные подъячие» [Адрианова-Перетц 1954: 160–161]. Во-вторых, авторы некоторых текстов демонстрируют знакомство с документами, которые не имели широкого хождения. Характерным примером здесь является «Реестр о дамах и прекрасных девицах». По всей видимости, его источником является реестр царских невест, который велся в 1669–1670 гг. в связи с намерением Алексея Михайловича вступить во второй брак. В тексте «Реестра о дамах» встречаются практически все имена, имеющиеся в исходном документе, в том числе достаточно редкие. К тому же в «Реестре» особо выделено имя Наталья, что соотносится с именем царской избранницы Натальи Нарышкиной [Плетнева 2015]. Трудно себе представить, что с документами такого рода были знакомы многие.

В этой связи стоит вернуться к упомянутому выше указу астраханским воеводам о разведении винограда на Терском берегу. Обращение

<sup>25</sup> Этот термин был введен марксистским литературоведением 30-х годов XX в.

к тексту указа далекому воеводе так же, как и к списку невест, дает основание предположить, что здесь мы имеем дело с творчеством приказных служащих. Это предположение не противоречит тому, что мы знаем о приказах XVII в. С одной стороны, служащие приказов знали тексты государственных актов, с другой — именно они рассматривали обращения, поступающие снизу. Они владели формой государственной документации и представляли, как государственные документы воспринимаются людьми, далекими от канцелярий. Отдельной темой, к которой мы не будем здесь обращаться, является влияние переводов, осуществленных служащими Посольского приказа, на народную литературу. Укажем лишь на переведенные Николаем Спафарием «Книгу о сивиллах» и «Хрисмологион», которые имеют сюжетные параллели в народной письменности [Спафарий 1978: 154–158; Ченцова 2014; Ровинский, 2: 1; 3: 680; 4: 363–364, 368, 609, 774–775].

#### 4. Судьба сюжета в XVIII веке

В первой половине XVIII в. сюжет, связанный с борьбой Алексея Михайловича со скomoroxами и игровыми формами народной жизни, был уже не актуален. Петровские преобразования перемешали представления о том, что допустимо, а что нет. Так, курение из уголовно наказуемого деяния превратилось в знак принадлежности к новой европеизированной культуре; музыкальные инструменты (правда, не те, которые по приказу Алексея Михайловича отнимали у скomoroxов) стали использоваться во время государственных церемоний, в том числе и официальных похорон; танцы перестали ассоциироваться с язычеством и вошли в придворный быт и т. д. Таким образом, многие сатирические элементы, присутствовавшие в ранних версиях лубка, потеряли свою значимость. Однако «Погребение kota» продолжало печататься вплоть до середины XIX в. При этом в картинке произошли существенные, на наш взгляд, изменения. По-новому стали изображаться мыши, тянущие сани, и значительно расширилась география мест, откуда мыши пришли на похороны.

На наш взгляд, эти изменения связаны с тем, что на позднюю версию лубка оказали влияние особенности похорон Петра I. Обратимся к напечатанному в 1726 г. «Описанию порядка погребения Петра Великого». Согласно этому документу, когда гроб с телом императора был выставлен для прощания, рядом были помещены его регалии:

Во главе было четыре табурета, на которых поставлены были против самой главы императорской корона Императорская, по сторонам оной корона Казанская, корона Астраханская, корона Сибирская. Сии короны золотые, токмо те три короны царств весьма древние, наподобие так как греческие, сверх которых имеются драгоценные камни, чищенные, а не гранены [Описание 1726: 3].

Вокруг помещения, где находился гроб, были поставлены гербы провинций (Черкасский, Кабардинский, Грузинский, Карталинский, Иверский, Кондийский, Обдорский, Удорский, Белоезерский, Ярославский, Ростовский, Рязанский, Черниговский, Нижегородский, Болгарский, Вятский, Пермский, Югорский, Тверской, Ижорский, Корельский, Лифлянский, Эстлянский, Смоленский, Псковский, Сибирский, Астраханский, Казанский, Новгородский, Владимирский, Киевский, Московский). Те же гербы были изображены на военных знаменах, которые несли во время похоронной процессии [Ibid.: 10–11, 15–19]. Отдельно несли и гербы наиболее важных частей империи (бывших самостоятельных государств или бывших столиц), которые были написаны на досках золотой и серебряной краской. Это были гербы Сибирский, Астраханский, Казанский, Новгородский, Владимирский, Киевский, Московский [Ibid.: 20]. Непосредственно перед гробом несли царские регалии: скипетр, державу и короны (императорскую, казанскую, астраханскую и сибирскую) [Ibid.: 22–23].

Мы видим, что ритуал погребения Петра I включает отсылки к названиям частей империи. Изменение царского похоронного обряда объясняет и изменения, произошедшие в лубочной картинке на меди. В новых версиях акцент смещается с атрибутов скоморошьей культуры (хотя они по-прежнему сохраняются) на географические наименования. Если в К4 «мышь аринка играет вволынку», то в варианте К5 появляется «мышь татарская Аринка тошь наигрывает вволынку». К «Тренке с Дону» и «мыши с Рязани», фигурировавших в деревянных гравюрах, добавились мыши из других мест. В К5 появляются «украинская мышь», «мыши из-исподъатарской мечети», «мыши татарские ханжи» «сибирские мышки щеры», «мыши алонки», «мыши корелки», «мышь искрымму», «мыши новгородки». Кроме названий регионов и городов, в этой картинке большое количество отсутствующей в деревянной гравюре московской топонимики: «збалчюга старал измушних радовъ крыса», «из рогожской мышь корча тащить бубень скорчась», «позади бежить изъстаганки самаа поганка», «мышь сарбату от Ѡстарости очень горбата», «мышь споланки старуха несеть хлеба краюху», «мыши спокровки несуть моръковные похлебкї». О новой столице напоминает «мышь охтенская переведенка», «мышь шушера бежить изшлюшена несеть сладоги сиги ешь даплотно сиди» и, вероятно, «коломенская мышь». По всей видимости, эти топонимические игры были связаны с реальными похоронами Петра и демонстрацией в ритуале погребения гербов провинций. Чин погребения являл империю как единство, собранное из разных земель, что опосредованно нашло отражение в поздних версиях лубочной картинки. Кроме того, как мы

видели выше, в похоронной процессии трижды в одном ряду упоминались Казань, Астрахань и Сибирь: в знаменах, гербах и царских коронах. Ошибиться при чтении титула kota было невозможно.

Во время похорон Петра процессия шла по льду Невы. Гроб императора везли на снях, в сани были запряжены 8 лошадей, покрытых черным бархатом с изображениями гербов [Описание 1726: 24]. Это отразилось в лубочной картинке. Если в гравюрах на дереве все мыши изображены идущими на задних лапках, то на картинках К4 и К5 часть мышей идет на четырех лапках, они покрыты попоной и впряжены в сани как лошади. На картинках ранней редакции (К1, К2, К3) мышей-лошадей нет, сани тащат мыши, которые стоят на задних лапках, а передними тянут лямки.

При этом в поздних изображениях народные музыкальные инструменты никуда не исчезли. Наоборот, к ним добавились и другие предметы, производящие звук, например, посуда («украинская мышь братинкой гремить», «заними мышь кружкой гремит»). Известно, что на похоронах Петра играл военный оркестр, в котором были трубы и литавры [Описание 1726: 14–15]. Можно предположить, что медные ударные инструменты в народном восприятии ассоциировались с посудой. Однако главным в картинке поздней редакции становятся не музыкальные инструменты, а перечисление локации мышей, чего нет (во всяком случае, в таком количестве) в картинках ранней редакции. И это перечисление связано с реальной картиной похорон Петра I и определяет драматургию лубочной картинке второй редакции.

## 5. Выводы

Подводя итоги, можно сказать, что две редакции лубочной картинке «Мыши kota погребают» предлагают разные варианты взаимных отношений царя (kota) и участников похоронной процессии (мышей). То, что кот является царем, не вызывает никакого сомнения. Тот элемент царского титула, который был спародирован в сопровождающей kota подписи, не менялся на протяжении долгого времени. Титул был узнаваемым, поскольку звучал в царских указах, зачитываемых в храмах, и в молебнах на царские дни. Все это позволяет связывать картинку с разными царями и разными историческими эпохами.

Такая интерпретация позволяет примирить две противоположные, на первый взгляд, исследовательских позиции. Высказанное Ровинским положение, что в картинке спародированы похороны Петра I<sup>26</sup>,

<sup>26</sup> По многочисленным свидетельствам (И. М. Снегирев, В. В. Стасов и другие) в XIX в. императором, с которым ассоциировался кот, был Петр I. Именно так объясняли эту картинку продавцы лубочных картинок. Исследователи приняли

и аргументированное утверждение Алексеевой, что стилистические и языковые критерии относят ранние картинки к концу XVII в., при предложенном нами прочтении не находятся в противоречии. На картинках К1, К2 и К3 изображение кота отсылает к смерти Алексея Михайловича, на картинках К4 и К5 кот ассоциируется с Петром. В ранних вариантах этой картинки мыши наделены атрибутами скоморошьей культуры (с которой последовательно боролся Алексей Михайлович). В более поздней редакции, относящейся уже к послепетровской эпохе, тема скоморохов потеряла свою актуальность и сюжетный центр картинки сместился к обыгрыванию царского титула. Теперь мыши хоть и держат в руках скоморошьи атрибуты, но поименованы как представители различных территорий империи. Это находит подтверждение в документах, описывающих похороны Петра I, где военные несли знамена с изображениями гербов различных провинций империи. Таким образом, наименование кота, пародирующее царский титул, является сюжетообразующей деталью картинки.

## Библиография

ААЭ, 1–4

*Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской академии наук, 1–4, С.-Петербург, 1836.*

Адрианова-Перетц 1954

Адрианова-Перетц В. П., У истоков русской сатиры, *Русская демократическая сатира XVII века*, Москва, Ленинград, 1954, 137–187.

АИ, 1–5

*Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, 1–5, С.-Петербург, 1841–1842.*

Алексеева 1983

Алексеева М. А., Гравюра на дереве «Мыши кота на погост волокут» — памятник русского народного творчества конца XVII — начала XVIII в., *XVIII век*, 14, Ленинград, 1983, 45–79.

Анучин 1890

Анучин Д. Н., Сани, ладья и кони как принадлежность похоронного обряда, *Древности: Труды Московского археологического общества*, 14, Москва, 1890, 81–226.

Веселовский 2008

Веселовский С. Б., *Московское государство XV–XVII вв. Из научного наследия*, Москва, 2008.

Гольшев 1878

Гольшев И. А., *Лубочная старинная картинка «Мыши кота погребают» и некоторые прежние народные гравюры*, Владимир, 1878.

---

это толкование на веру, результатом чего стала гипотеза о том, что картинка «Погребение кота» — это старообрядческая карикатура на похороны Петра [Алексеева 1983: 46–47].

Григорьев 2002

[Григорьев А. Д.] *Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа*, А. А. Горелов, ред., 1, С.-Петербург, 2002.

Гудзий 1941

Гудзий Н. К., *История древней русской литературы*, Москва, 1941.

Даль 1–5

Даль В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, 1–4, Москва, 1994.

Емченко 2015

Емченко Е. Б., подгот. текста, *Стоглав: Текст. Словоуказатель* (= *Historia Russica*), Москва, С.-Петербург, 2015.

Иванов 1850

Иванов П. И., *Описание государственного архива старых дел*, Москва, 1850.

ИРМ, 2

*История русской музыки в десяти томах, 2: XVIII век. Часть первая*, Москва, 1984.

Карляйль 1879

Карляйль Ч., Описание Московии. Описание Московии при реляциях графа Карлейля, И. Ф. Павловский, пер. с фр., подгот. предисл., примеч., *Историческая библиотека*, 5, 1879, 1–46.

Каштанов 2006

Каштанов С. М., Сибирский компонент в титулатуре московских государей XVI–XVII вв., *Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв.*, Новосибирск, 2006, 3–21.

Корнилов 1862

Корнилов И. П., *Волжские бурлаки*, Москва, 1862. [Оттиск из: Морской сборник 1862, № 7.]

Лакиер 1847

Лакиер А. Б., *История титула государей России*, С.-Петербург, 1847. [Оттиск из *Журнала Министерства народного просвещения*, 56/10–11.]

Лихачев et al. 1984

Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В., *Смех в Древней Руси*, Ленинград, 1984.

Макаров 1821

Макаров М. Н., О Московских ведомостях, изданных в царствование Государя Императора Петра Великого, *Вестник Европы*, 9, 1821, 53–54.

МЭ, 1–6

*Музыкальная энциклопедия*, 1–6, Москва, 1973–1982.

Описание 1726

*Описание порядка, держанного при погребении блаженныя высокославныя и вечнодостоинейшия памяти всепресветлейшаго державнейшаго Петра Великаго императора и самодержца всероссийского и блаженныя памяти ея императорского высочества, государыни цесаревны Наталии Петровны*, Москва, 1726.

Павел Алеппский 1898

*Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном Павлом Алеппским*, Г. Муркос, пер. с араб., 4, Москва, 1898.

Плетнева 2012

Плетнева А. А., Скоморох и скоморошество: к истории слов и понятий, В. М. Живов, Ю. В. Кагарлицкий, отв. ред., *Эволюция понятий в свете истории русской культуры* (= *Studia philologica*), Москва, 2012, 93–108.

——— 2015

Плетнева А. А., О происхождении лубочного текста «Реестр о дамах и прекрасных девицах», *Slověne*, 5/1, 2015, 366–376.

ПСЗРИ, 1–45

*Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое*, 1649–1825, 1–45, С.-Петербург, 1830.

Пупарев 1871

Пупарев А. Г., Указы императрицы Елизаветы Петровны. Сообщил А. Г. Пупарев, *Русская старина: ежемесячное историческое издание*, 3/6, 1871, 642–643.

ПЭ, 6

О. В. Л., Вавила, прп., *Православная энциклопедия*, 6, Москва, 2003, 470.

Пчелов 2010

Пчелов Е. В., Территориальный титул российских государей: структура и принципы формирования, *Российская история*, 2010, 1, 3–15.

Ровинский, 1–5

Ровинский Д. А., *Русские народные картинки*, 1–5, С.-Петербург, 1881.

СЛРЯ XI–XVII вв., 1–31–

*Словарь русского языка XI–XVII вв.*, 1–31–, Москва, 1975–2019–.

Снегирев 1826

Снегирев И. М., О скудельницах или убогих домах в России, *Труды и записки Общества истории и древностей российских*, 3, 1, Москва, 1826, 235–263.

——— 1861

Снегирев И. М., *Лубочные картинки русского народа в московском мире*, Москва, 1861.

Соборное уложение 1987

*Соборное уложение 1649 года, Текст и комментарии*, Л. И. Ивина, подгот. текста, Ленинград, 1987.

Соколов 1999

Соколов Б. М., *Художественный язык русского лубка*, Москва, 1999.

Спафарий 1978

Спафарий Н. Г., *Эстетические трактаты*, О. А. Белоброва, подгот. текста, вступ. ст., Ленинград, 1978.

СРНГ 17

*Словарь русских народных говоров*, 17, Ленинград, 1981.

Строев 1844

Строев П. М., *Выходы государей царей и великих князей, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича 1632–1682*, Москва, 1844.

Труворов 1887

Труворов А. Н., О санях, употреблявшихся при погребении великих князей, царей и цариц, *Русская старина: ежемесячное историческое издание*, 56/12, 1887, 836–841.

Тургенев 1842

*Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым*, II. С.-Петербург, 1842.

Успенский 2000

Успенский Б. А., *Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов*, Москва, 2000.

Фаизов 2006

Фаизов С. Ф., Кот Казанский: татарин и царь в восприятии русского после «взятия» Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, *Казань в средние века и раннее новое*

время: *Материалы Всерос. научной конференции (Казань, 24–25 мая 2005 г.)*, Казань, 2006, 149–157.

Фасмер, Трубачев, 1–4

Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, 2-е изд., О. Н. Трубачев, перев. с нем., доп., 1–4, Москва, 1986.

Финдейзен 1928

Финдейзен Н. Ф., *Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века*, 1, Москва, Ленинград, 1928.

Фрэнсис 2007

Фрэнсис Е. П., Скоморохи и церковь, *Скоморохи в памятниках письменности*, С.-Петербург, 2007, 463–477.

Харузин 1897

Харузин Н. Н., К вопросу о борьбе московского правительства с народными языческими обрядами и суевериями в половине XVII века, *Этнографическое обозрение*, 1, 1897, 143–151.

Хромов 1998

Хромов О. Р., *Русская лубочная книга XVII–XIX веков*, Москва, 1998.

Ченцова 2014

Ченцова В. Г., Паисий Лигарид, Николай Спафарий и Франческо Бароцци: эсхатологические идеи при дворе царя Алексея Михайловича, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 1(55), 2014, 69–82.

## References

Adrianova-Peretts V. P., U istokov russkoi satiry, *Russkaia demokraticheskaia satira XVII veka*, Moscow, Leningrad, 1954.

Alekseeva M. A., Graviura na dereve «Myshi kota na pogost volokut» — pamiatnik russkogo narodnogo tvorcestva kontsa XVII — nachala XVIII v., *XVIII vek*, 14, Leningrad, 1983, 45–79.

Chentsova V. G., Paisios Ligaridis, Nicolas Spathar and Francesco Barozzi: the eschatological ideas at the Tsar Alexey Mikhailovich's court, *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 1(55), 2014, 69–82.

Emchenko E. B., ed., *Stoglav. Slovoukazatel'* (= *Historia Russica*), Moscow, St. Petersburg, 2015.

Faizov S. F., Kot Kazanskii: tatarin i tsar' v vospriiatii russkogo posle «vziatii» Kazanskogo, Astrakhanskogo i Sibirskogo khanstv, *Kazan' v srednie veka i rannee novoe vremia: Materialy Vseros. nauchnoi konferentsii (Kazan', 24–25 maia 2005 g.)*, Kazan, 2006, 149–157.

Findeisen N. F., *Schilderungen aus der Geschichte der Musik in Russland von der ältesten Zeit bis zum Ende des XVIII Jahrhunderts*, 1, Moscow, Leningrad, 1928.

Francis E. P., Skomorokhi i tserkov', *Skomorokhi v pamiatnikakh pis'mennosti*, St. Petersburg, 2007, 463–477.

Gorelov A. A., ed., *Arkhangel'skie byliny i istoricheskie pesni, sobrannye A. D. Grigor'evym v 1899–1901 gg. s napevami, zapisannymi posredstvom fonografa*, 1, St. Petersburg, 2002.

Gudzii N. K., *Istoriia drevnei russkoi literatury*, Moscow, 1941.

Ivina L. I., *Sobornoe ulozhenie 1649 goda*, Leningrad, 1987.

Kashtanov S. M., Sibirskii komponent v titulature moskovskikh gosudarei XVI–XVII vv., *Obshchestvennoe soznanie naseleniia Rossii po otechestvennym narrativnym istochnikam XVI–KhKh vv.*, Novosibirsk, 2006, 3–21.

Khromov O. R., *Russkaia lubochnaia kniga XVII–XIX vekov*, Moscow, 1998.

Likhachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V., *Smekh v Drevnei Rusi*, Leningrad, 1984.

O. V. L., Vavila, prp., *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 6, Moscow, 2003, 470.

Pchelov E. V., Territorial'nyi titul rossiiskikh gosudarei: struktura i printsipy formirovaniia, *Russian history*, 2010, 1, 3–15.

Pletneva A. A., On the Origins of the Lubok Text *The Register of Dames and Handsome Maidens*, *Slověne*, 5/1, 2015, 366–376.

Pletneva A. A., Skomorokh i skomoroshstvo: k istorii slov i poniatii, V. M. Zhivov, Yu. V. Kagarlitsky, eds., *Evolutsiia poniatii v svete istorii russkoi kul'tury* (= *Studia philologica*), Moscow, 2012, 93–108.

Sokolov B. M., *Khudozhestvennyi iazyk russkogo lubka*, Moscow, 1999.

Spathari N. G., *Esteticheskie traktaty*, Belobrova O. A., ed., Leningrad, 1978.

Uspenskij B. A., *Tsar' i imperator*, Moscow, 2000.

Veselovskii S. B., *Moskovskoe gosudarstvo XV–XVII vv. Iz nauchnogo naslediia*, Moscow, 2008.

---

**Александра Андреевна Плетнева**, кандидат филологических наук,  
старший научный сотрудник  
Института русского языка им. В. В. Виноградова  
Российской академии наук  
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2  
Россия / Russia  
apletneva@list.ru

Received April 7, 2021